

УДК 81
ББК 81.2-5

А.И. Дзюбенко

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ
В СОВРЕМЕННОМ
ЖЕНСКОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Статья посвящена рассмотрению специфики организации временной парадигмы в художественном дискурсе современных британских женщин-авторов – Сью Таунсенд, Софи Кинселлы и Сесилии Ахерн – с точки зрения отражения общеязыковых тенденций членения временного континуума, свойственного англоязычной лингвокультуре, а также с позиций отражения идиостиля авторов.

Ключевые слова: *художественный дискурс, идиостиль, двучленная временная парадигма, временная иерархия, временная последовательность, хронотоп.*

Дзюбенко Анна Игоревна – канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-905-426-97-46
E-mail: dzyubenkoanna@gmail.com

Время, представляя собой универсальный феномен, являющийся неотъемлемым компонентом хронотопа, получает различную категоризацию как в отдельных языковых системах, так и в дискурсе различных авторов. Причина этого, во-видимому, состоит не только в детерминированном лингвокультурой способе членения временной длительности на прошлое-настоящее-будущее и способах их актуализации, но также и в творческом потенциале каждого отправителя текста, стремящегося в рамках общепринятых, узусных языковых средств различных уровней объективировать «время», либо сохраняя трехчленность временной парадигмы, либо сокращая ее состав до двухкомпонентного – настоящее-прошлое или настоящее-будущее. Этот феномен можно проследить на примере художественного дискурса современных британских авторов – С. Таунсенд, С. Кинселлы и С. Ахерн.

Актуальность данного исследования заключается в установлении спектра лексических средств, служащих построению временной иерархии и временной последовательности в современном английском художественном дискурсе в аспекте прагматических интенций авторов-женщин и стилистического своеобразия создаваемого ими дискурса. Прагматический аспект позволяет вывести исследование на интертекстуальный уровень, так как в совокупности со всем многообразием аллюзий и сюжетных линий способствует установлению значительной общности прагматических интенций авторов-женщин

при актуализации времени в дискурсе. Кроме того, такой подход помогает выявить ярко выраженный и интенсивно эксплицируемый героями дискурса эмоционально-экспрессивный фон, свидетельствующий о значительной субъективной вовлеченности отправителей текста (как авторов, так и героев) в интерпретацию временной иерархии и временной последовательности. Такая трактовка времени позволяет выявить особенности современного английского женского художественного дискурса, в котором на семантическом уровне наблюдается трансформирование трехчленной временной парадигмы до размеров двучленной, в которой акцентируется настоящее и будущее.

Время, будучи одной из констант бытия, всегда вызывало исследовательский интерес представителей как математического, так и гуманитарного направления в науке. Существует целый спектр подходов к раскрытию сущности времени, при котором оно описывается через установление противоречия с пространством, через корреляцию с вечностью, движением или материей.

Начиная с Парменида и Зенона, эти свойства времени беспокоят ученых своей антиномичностью. Каждая эпоха, выдвигая идеи и формируя концепции об изучаемых феноменах темпорального состояния бытия, регулярно обнаруживала идентичные и перекрестные пути к их осмыслению. В классической античности их ассоциировали с хаосом и жизнью космоса, в то время как в эпоху эллинизма они представлялись как формы жизни мировой сущности, души. Новоевропейская философия, находившаяся в рамках набиравшего силу рационализма научного познания, активно порождала идеи относительности и субъективности в понимании сущности времени, обладающего объективной базой своего бытия – длительностью. В европейской философии и естественно-научной традиции сформировались два ведущих течения в изучении времени, доказывающих его субъективность и объективность, относительность и абсолютность, реляционность и субстанциональность.

В лингвистике взаимодействие времени и языка рассматривается с двух точек зрения. С одной стороны, время по отношению к языку выступает как внешний фактор (язык во времени), а с другой – как внутренний (время в языке). В качестве внешнего фактора время отражается в процессе эволюции языков мира и развитии этнических языков. С противоположной точки зрения, время отображает формальную грань языка (линейная структура, ритм речи, длительности речевых процессов) и содержательную сторону, которая выражается в темпоральной лексике, в грамматической категории времени на уровне морфемы, лексемы, фразы и текста [Дарбанова, с. 51 – 52].

Являясь универсальной характеристикой и физической реальности, и знаковой системы, оно способно проявлять свою многомерность в таких временных формах, как объективное и субъективное, историческое и культурное, мифологическое, философское и художественное. Ученые разрабатывают типологические классификации времени, выбирая за основание ряд критериев, среди которых: (1) корреляция предмета по-

знания и сознания познающего субъекта, (2) способ фиксации времени и опредмечивания представлений о нем, (3) актуализация содержания представлений о времени (А.Я.Гуревич, М.Л. Шуб и др.).

Существующее в объективной действительности время во всем своем многообразии проявляется в языке, трансформируясь субъективно в индивидуальном сознании. Время языковое является лингвистической проекцией имеющихся у людей обыденных и научных познаний об этом явлении. Современные подходы к интерпретации времени варьируются между семиотическим (В.В. Иванов, В.Н.Топоров, Е.А.Нильсени др.) и логико-семантическим (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.В. Падучева и др.), функционально-грамматическим и функционально-семантическим (А.В. Бондарко, М.В.Всеволодова, Г.А.Золотова, А.Д. Шмелев и др.), когнитивным (А.В. Кравченко, Е.В. Рахилина, С.А. Чугунова и др.), этно-, психолингвистическим, а также лингвокультурологическим (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Д.И. Лалаева, В.В. Красных).

В разных типах языкового мышления время моделируется по-разному, но тем или иным образом моделируется всегда. При этом семиотическое время, время текста, время культуры противоположным образом отличается от времени физической реальности: оно способно нарушать базовую характеристику физического времени – его анизотропность [Руднев, с. 12] и приводит к дискурсивному трансформированию постулатов Г. Рейхенбаха о необратимости физического времени, согласно которым прошлое невозможно вернуть; прошлое не подлежит изменениям, а на будущее еще можно воздействовать; невозможно иметь достоверного знания о будущем [Рейхенбах, с. 35 – 39]. Время в художественном дискурсе женщин-авторов обретает новые свойства, получая возможность разворачивать вектор развития в обратном направлении, смещая временные координаты развития. Такие свойства времени, как линейность, однонаправленность (временной вектор направлен из прошлого через настоящее в будущее), анизотропность (необратимость и невозвратность), получают новую, а иногда и неожиданно смелую интерпретацию в творчестве С. Таунсенд, С. Кинселлы и С. Ахерн.

В рамках анализа дискурсивного времени выделяют художественное и грамматическое время. Так как мир в художественном произведении есть не прямое, субъективное авторское отражение реальности, сочетающейся с вымыслом, художественное время представляется неотделимой составляющей художественного отражения мира. Художественное время рассматривается как форма бытия идеального мира эстетической реальности, как временной континуум. Это время тех действий, из которых формируется сюжет, заключающее в себе изображение субъективного восприятия времени героем произведения, реконструкцию его временного опыта. Наконец, художественное время является сложным сплетением трех границ восприятия – автора, читателя и персонажей [Тураева, с. 15].

Художественное время, по мнению ряда исследователей (Л.М. Васильева, А. Бергсон, Т.В. Федосовой) обладает рядом типологических

свойств: может быть одномерным и многомерным, прерывным и непрерывным, динамическим и статичным, а также разнонаправленным. Грамматическое же время включено и подчинено художественному времени. Оно, как и художественное время, обратимо и является многомерным непрямым отражением реального времени. Грамматические формы времени могут передавать как непрерывность временного потока, так и дискретность времени [Тураева, с. 210 – 211]. Роль точки отсчета для видовременной системы играет векторный нуль оси ориентации настоящего времени, в художественном времени такой точки отсчета может и не быть. Грамматическое время нейтрально к выражению плотности действия. Скорость действия отражается не просто видовременными формами, а их распределением, синтаксической схемой и лексическими средствами.

В женском художественном дискурсе отражаются особенности женщины-писателя, ее языковой личности, сознания и мышления, что проявляется не только на лингвистическом уровне, но и на социокультурном: особенности вербального и невербального поведения действующих персонажей, а также воссозданная авторами дискурса непосредственная конситуация коммуникативного взаимодействия героев. Авторам свойственно выстраивать временные отношения по горизонтали, устанавливая временную длительность, актуализируя время за счет «minute» – «hour» – «second» (соответственно 47,5, 43,3 и 9,2 % всех текстовых реализаций в дискурсе трех авторов) или «day» – «week» – «year» – «month» (62, 18, 18 и 5%), а также выстраивать временную иерархию, при которой объективация времени осуществляется за счет «morning» – «night» – «afternoon» – «evening» или «yesterday» – «today» / «tonight» – «tomorrow».

День героинь расписан по минутам, каждая из которых важна и содержательна. В течение нескольких минут события сменяют друг друга, именно поэтому внимание героев акцентируется на таких кратких моментах: *My companions and I laughed until I went for my bag and found a sickening space between my feet. The gypsies had been gone for at least five minutes. There was a pause and somebody said, 'Well they'll be celebrating around the campfire tonight.' It might even have been me* (Townsend, 15).

Лексема «second» используется для объективации временных отрезков различной длительности: (1) секунда может обозначать одно краткое мгновение, которое практически мимолетно и незаметно: *He thought hard, staring at a pile of barrels with his jaw firm and square, his eyes intense. Then he bent over and picked up his pint from the grass and looked at me, but only for a second. 'Sorry, Lucy, I can't. Just move on from it, okay?' And he left me and disappeared into the black hole in the pub, swallowed up by the songs and cheers from inside* (Ahern, 179).

(2) Или же выражать долгий период, на протяжении которого героиням мучительно тяжело ожидать чего-либо. Такое восприятие времени характеризует напряженное состояние героев, их неустойчивое психологическое состояние в сложившейся ситуации: *I switch off my phone.*

Everything's changed. Or maybe he hasn't changed. Maybe this was what Guy was always like and I just never realized it. I stare down at the tiny display of my phone, watching the seconds of each minute tick by. Wondering what to do next. When it suddenly vibrates in my hand, I nearly jump out of my skin. Tennyson, my display reads (Kinsella, 84).

Чаще всего герои живут интервалами в сутки (лексема «day» – 62 %). Их мысли ежечасно заняты еще совсем недавними событиями, которые непосредственно имеют связь с настоящим, с происходящим «здесь и сейчас». Такие события еще не стали прошлым и являются частью настоящего, поэтому все еще задействуют психоэмоциональную сферу героев: *As if he can sense me watching him, he looks up and his face jolts. He smiles in welcome – but I can see the tension underneath. This last couple of days can't have been easy for him. Maybe he thought I'd get suckered in to my old relationship, that I wasn't coming back (Kinsella, 255).*

Лексема «week» (18 %) выражает более длительный интервал времени и относит события к прошлому, к чему-то завершенному или же еще к не реализованному, не состоявшемуся будущему, к планам или предстоящим событиям: *My phone beeped. Don Lockwood's name flashed up onto my screen. Since our phone conversation over a week ago I'd tried to think of some kind of comeback for the Aslan song but failed. As soon as I opened the text a photo popped up (Ahern, 50).*

При этом «year» имеет такую же частотность употребления и отсылает героев исключительно к будущим событиям, что сокращает состав временной парадигмы до двучленной: у героев есть настоящее и будущее, в которых хранятся наиболее яркие моменты их жизни, впечатления не стираются из их памяти, что заставило бы их погрузиться в прошлое, а живут с ними на протяжении всей жизни «сейчас» и «завтра»: *I thought about that; wanted to protest, justify myself, and explain the years I'd endured his patronizing comments and his pushiness, which had played a large part in our relationship breakdown because of course it was so much more complicated than just one argument, but it was too much to explain and I didn't know where to start, hadn't the time, energy or inclination to delve into its infinitesimal detail so eventually I took the lazy way out and nodded (Ahern, 98).*

Произошедшие в недельном интервале события имеют уже достаточно отдаленный характер, поэтому герои не заостряют на них внимание в настоящем. Употребление лексемы «month» демонстрирует разрыв, отсутствие корреляции произошедших событий с настоящим. Наполненность событиями в данном интервале ниже по сравнению с плотностью интервалов «day», «week» и «year»: *I managed to get that information out of Trish on Sunday night, under the guise of asking about all the neighbors. There was some girl in Gloucester, apparently – but that was all over months ago. The way is clear. I just need a strategy (Kinsella, 132).*

Что касается специфики образования временной иерархии в дискурсе женщин-авторов, то было установлено, что начало и окончание дня оказались самыми важными периодами суток, поэтому лексемы «morning» и «night» обладают самой высокой частотностью использова-

ния: 32 и 47 % соответственно. «Morning» – время, когда герои планируют день, строят планы на ближайшее будущее, именно утро задает тон на весь предстоящий день, это момент, знаменующий начало работы и реализации поставленных целей, это период максимальной физической и эмоциональной активности: *We stepped out into the chilly morning, colder because we stood in the shadow cast by my apartment building. Across the road in the park we could see sunlight, but no sun could reach where we were standing and my wrap-around dress whipped up around my thighs as the wind blew. My hands tried desperately to keep it down and though it was nothing he hadn't seen before, it was different now* (Ahern, 130).

День играет несколько менее значительную роль в жизни героев дискурса С. Таунсенд, С. Ахерн и С. Кинселлы. В этот период они следуют уже намеченному с утра плану, не принимая каких-либо новых решений. Эта часть суток во временной иерархии является более однообразной и предсказуемой: *I hadn't yet found the courage to tell them that once again I was lifeless, not because I had brushed it under the carpet as I used to do, but because Life disagreed with my decisions and had left me. I had stalked him with phone calls all afternoon in a pretend effort to apologize but really it was to see if we could cancel the family dinner. He hadn't answered the phone and then after six tries his phone was switched off* (Ahern, 140).

«Evening» зачастую получает положительную экспрессивно-эмоциональную оценку: течение вечернего времени неспешно, размеренно, умиротворенно: *I was in my room by half past six each night, cowering from the mosquitoes and preparing a meal of corned beef, vegetable rice and pineapple. I spent the rest of the evening sitting up in bed rewriting my book* (Townsend, 174).

Героев современного британского женского художественного дискурса в большей мере волнует то, что происходит в данный момент «сегодня» – «today» (33 %) или в ближайшем будущем – «tonight» (18 %), так как именно в настоящем они могут осуществить задуманное, изменить свою жизнь к лучшему, принять судьбоносные решения: *I stalk out of the kitchen and find Trish in the living room. "Mrs. Geiger", I say as forcefully as I can. "I'm sorry about the coffee and I'll make every effort to do better. But I have to have tonight off. I've made arrangements – and I'm going to stick to them. I'll be going out at seven as planned." My heart is beating fast as I finish* (Kinsella, 155).

Ориентирование на ближайшее будущее – «tomorrow» (26 %) – является мотивацией, которая позволяет героям упорядочить ход событий и мыслей и помогает скоординировать действия в зависимости от их прагматических установок: *I was frustrated with the key, I was frustrated with my life and I snapped. 'Tomorrow I am going to tell the love of my life that I am still in love with him. Do you think for one minute that I'm hoping I'll be back by tomorrow night in order to go on a date with a man who drives a yellow van with a magic carpet on it?' Life was momentarily stunned, then he took the key from my hand, turned it gently and the door opened. 'Let's go,' he said* (Ahern, 132).

Зачастую используя «yesterday» (23 %), герои приближают прошлое к настоящему, устанавливая таким образом между ними максимально прочную корреляцию: произошедшее вчера вступает в антитезу с настоящим, что побуждает героев к рефлексии и установлению причинно-следственных связей: *Yesterday I was his best friend. Yesterday, when I was about to become a partner, he was hanging around my desk, full of smiles and quips. And today he doesn't want to be associated with me at all* (Kinsella, 83).

Ощущение течения времени субъективно, в связи с этим у героев и у авторов формируется индивидуальное восприятие времени, при этом зачастую акцентируется либо его количество («amountoftime»), либо течение и длительность («longtime», «longperiodoftime», «lifetime»): *I regretted arranging with Melanie to meet the following night. Not just because Life had kept me awake all night with his snoring but because the night out with her was one giant bullet that I had been trying to dodge for a long time. In order to make up for leaving dinner early the previous week I'd promised I'd go to Melanie's next set in Dublin* (Ahern, 88).

Ретроспективные отсылки или воспоминания заключаются в рамки коротких временных отрезков, что придает времени конденсирующее свойство: все, происходившее в прошлом, однократно и не является причиной событий в настоящем, в связи с этим в дискурс вводятся такие сочетания лексем, как «first time», «last time», «each time», «occasion»: *I've opened my phone several times to call Guy. But each time, humiliation has stopped me. Even though he's my friend, even though he's the person closest to me in the company. I'm the one who's fired. I'm the one in disgrace. And he's not* (Kinsella, 81). Большое внимание уделяется не только прошлому, но и настоящему: героини часто используют фразу «this time», пытаются изменить ход событий в надежде, что теперь все будет по-другому: *I detected from what she said that she was a brave woman who was most indignant that a cruel stranger had entered her life and turned it upside down. And, now that I think about it, there may be a chance that she will walk down our road again in the afternoon. If she does, I hope she calls in for a cup of tea. I'd like to meet her, for real this time* (Townsend, 67).

Настоящее и будущее получают положительную коннотативную окраску за счет описания с помощью таких имен прилагательных, как «perfect», «appropriate», «right», «great», «fabulous», «lovely», «good», «wonderful»: «OK... so I've relaxed a bit!» *I throw up my hands. "I know I've changed. I've calmed down and I've learned to cook and iron and pull pints – and I've had a wonderful time. But it's like a holiday. It can't last forever!"* (Kinsella, 282]. При этом прошлое характеризуется исключительно негативно, путем сочетания *time* с «tough», «hard», «inappropriate», «embarrassing», «horrible», «awkward», «wrong», «bad», «bloody», «difficult»: *My life needed me. It was going through a tough time and I hadn't been paying enough attention to it. I'd taken my eye off the ball, I'd busied myself with other things: friends' lives, work issues, my deteriorating and ever needy car, that kind of thing. I'd completely and utterly ignored my life. And now it had written to me,*

summoned me, and there was only one thing for it. I had to go and meet with it face to face (Ahern, 6).

Описание подходов к актуализации времени в современном женском художественном дискурсе также необходимо осуществить и с учетом способов выражения времени грамматического, в аспекте анализа тех видовременных форм глагола, которые делают очевидной ориентацию героев на временной оси. Так, было выявлено, что для женского художественного дискурса характерна двучленная временная парадигма, в которой выражаются отношения настоящего и будущего: героини не сожалеют о своем прошлом, живут «здесь» и «сейчас» и строят осуществимые планы на будущее. Будущее не эфемерно, а достижимо и предстает следствием настоящего.

Следует заметить, что в художественном дискурсе С. Кинселлы и С. Таунсенд формы настоящего времени глаголов преобладают над формами прошедшего времени, а у С. Ахерн отмечается противоположная тенденция, что связано с особенностями индивидуальных стилей авторов, прагматических установок их героев и дискурсов в целом: *I sneak up the side of the garden, keeping behind the shrubs, trying not to give myself away. My bare feet are cool on the damp, shaded earth; I step on a sharp pebble and wince in total silence. I feel about ten years old, playing hide-and-seek, the same mixture of terror and delight pounding in my heart* (Kinsella, 196); *I do not like zoos of any kind. They are prisons for animals, heartbreak hotels for the furred feathered. However, I have captives of my own: four goldfish that live a life of indolent luxury* (Townsend, 238).

У всех трех авторов в прошедшем и настоящем преобладают глагольные формы Indefinite, которые обозначают факты происходящих событий, а также употребляются для описания действий, которые происходят регулярно: *The plane took off normally enough, but as we began to climb I noticed some discomfort in my ears. My fellow passengers began shaking their heads and poking their ears with their fingers. Babies began to scream* (Townsend, 146).

Глагольные формы Continuous и Perfect имеют приблизительно равные показатели и значительно уступают в частотности употребления формам Indefinite. Совершенная форма глагола имеет ретроспективную, результативную, а также повествовательную функцию, подчеркивая единство и непрерывность временного потока, а также анизотропность времени.

На основании анализа способов актуализации времени в современном женском художественном дискурсе Великобритании можно сделать вывод о том, что восприятие временной длительности у героев чаще всего сконцентрировано на более кратких интервалах, таких как минута и сутки, время для них кристаллизуется в сжатые промежутки, наполненные высокой психоэмоциональной и физической активностью. Героини ориентируются на будущее как следствие настоящего, при этом прошедшее объективируется крайне редко в моменты рефлексии героев и при необходимости создать ретроспективную отсылку к событиям

прошлого как причины каких-либо действий героев в настоящем. Такая «фоновая» реконструкция событий прошлого позволяет авторам создать самобытную временную последовательность и иерархию, а также предложить нетрадиционный, но при этом не менее интересный подход к созданию двучленной временной парадигмы, где важно «настоящее» и его следствие – «будущее».

Литература

- Дарбанова Н.А.* Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность // Вестн. БурГУ. 2010. № 10.
- Рейхенбах Г.* Направление времени. М., 1962.
- Руднев В. П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М.: «Аграф», 2000.
- Тураева З.Я.* Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: URSS, 2009.
- Шуб М.Л.* Время как предмет гуманитарных исследований // Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2011. № 2 (26).
- Ahern C.* The Time of My Life. London: HarperCollins Publishers, 2011.
- Kinsella S.* The Undomestic Goddess. London: Dial Press Trade Paperback, 2006.
- Townsend S.* The Public Confessions of Middle-Aged Woman (Aged 55). London: Penguin Books, 2011.

References

- Darbanova N.A. Vremya v linvusticheskikh issledovariyah: predistoriya i sovremennost' // Vestn/ BurGU. 2010. № 10.
- Reihenbah G. Napravleniye vremeni. M., 1962.
- Rudnev V.P. Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filsosofii teksta. II. M.: "Agraf", 2000.
- Turaeva Z.Ya. Kategoria vremeni: vremya grammaticheskoe i vremya hudozhestvennoye (na materiale angliiskogo yazyka). M.: URSS, 2009.
- Shub M.L. Vremya kak predmet gumanitarnyh issledobaniy // Vestn. Chelyabinskoy gosudatstvennoy akademii kultury i iskusstv. 2011. № 2 (26).
- Ahern C. The Time of My Life. London: Harper Collins Publishers, 2011.
- Kinsella S. The Undomestic Goddess. London: Dial Press Trade Paperback, 2006.
- Townsend S. The Public Confessions of Middle-Aged Woman (Aged 55). London: Penguin Books, 2011.

Dzyubenko A.I. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Time Actualization in Modern Female Fictional Discourse of Great Britain

The article deals with the specifics that is found within the time paradigm construction in the framework of the present British fictional discourse created by the outstanding women-writers of today – S. Kinsella, C. Ahern and S. Townsend. The paper studies the ways the time reference

is done taking into consideration both the general linguistic ways of time objectivization through such lexemes as «minute», «hour», «second», «day», «week», «year», «month» and through «morning», «night», «afternoon», «evening», «yesterday» «today»/«tonight», «tomorrow». The author comes to the conclusion that the components of the first presented row constitute the time sequence while the ones from the second row make up the phenomenon of time hierarchy.

The analysis of the given discourse results in establishing the two-member time paradigm formed by present and future, whereas past component in such a paradigm performs the function of being the background retrospective one disclosing the cause- and-effect relations that become obvious singularly with the member of the time paradigm – present and past.

Keywords: *fictional discourse, individual creative style, a two-member time paradigm, chronotopos.*

Dzyubenko Anna Igorevna – candidate of linguistics, associate professor of cross-cultural communication and methodology of foreign languages teaching dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern Federal University.

Phone: 8-905-426-97-46, e-mail: dzyubenkoanna@gmail.com